

*Посвящается
Бабетте, Янну, Коринне, Джейми и Стефану.
Раненым, возродившимся, живым*

Амандине¹, деве вод

¹ Амандина (1981–2018) была водолазом речной полиции Парижа. (*Примеч. автора.*)

ПРОЛОГ

Автомобиль на полной скорости мчался по парижским улицам, а двое парней на заднем сиденье остервенело пытались заставить ее выпустить из рук оружие. Повсюду кровь. Слишком много крови. И это лицо... О господи, это лицо! Точно из мясорубки... То тут, то там проступившие наружу, изрезанные сосуды, больше никуда не ведущие и непрерывно фонтанирующие красным. И эта изодранная почти в клочья и застывшая в гримасе боли правая щека.

— Вашу мать, я не хочу словить шальную пулю! — проорал водитель. — Да отнимите же у нее ствол!

Они проскочили на красный. Неизвестно откуда вылетевшая на перекресток легковушка не успела затормозить и под отчаянный визг покрышек снесла им правое крыло.

Двое на заднем сиденье еще яростнее ухватились за ее пальцы. Пытаясь разогнуть их, разжать. Тщетно. Сведенная судорогой ладонь стискивала рукоять пистолета. На каждом повороте и при малейшем толчке лежащий на спусковом крючке палец угрожал выпустить девятимиллиметровую пулю в свободный полет.

— Невозможно, она будто каменная!

Вцепившись в руль, водитель попеременно то следил за потоком машин на улице, то бросал взгляд на творившийся у него за спиной бардак. Избежать столкновения. Не дать продырявить свою шкуру.

— У нее судорога. Отогните ей большой палец!

Первый крепко ухватился за ствол пистолета, второй с такой силой дернул за большой палец, что вывихнул его.

Оружие наконец упало и звякнуло об пол.

Это был шквал боли и ужаса, но она не сводила с них взгляда. Парализованная, но остающаяся в сознании. Ее левый глаз был устремлен на них, а правый залит кровью.

В салоне автомобиля восстановилось спокойствие, и трое санитаров вновь сосредоточились на своем задании.

Спасти полицейского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРЯМО В ЛИЦО

1

На 16 минут раньше

5:59. Полицейские в штатском ждали перед дверью квартиры 22 на плохо освещенном третьем этаже какой-то развалюхи в предместье. По закону задержание разрешается с шести часов утра. Минутой раньше — и несоблюдение правил может завалить все расследование. На всякий случай члены бригады по борьбе с оборотом наркотиков приготовили винтовку и электрошокеры. На лестничной площадке установили опоры штурмового гидравлического тарана, способного разнести дверь на куски. С каждой секундой тревожное возбуждение нарастало. Стояла гнетущая тишина, которую нарушали только вызванные нетерпеливыми движениями случайные шорохи.

Они проверяли боеприпасы. Поплотнее затягивали лямки пуленепробиваемых жилетов. Мысленно освежали в памяти план проникновения и распечатанный накануне чертеж этого социального жилья. Коридор, гостиная, слева спальня, справа кухня. Ванная комната в глубине квартиры. Четыре окна. По словам консьержки, собаки нет.

5:59. Последние недели довели фликов до изнеможения. Гнусный отморозок Сохан мешал кокс с героином, что подсаживало клиентов с первой же дозы. Руки Сохана были обагрены кровью многочисленных конкурентов. Этого вооруженного до зубов дилера непременно следовало завалить. Для общей пользы. Убрать отбросы, как это делают мусорщики.

5:59. Через минуту начнутся грохот и крики. Извержение жестокости и адреналина. Сохан так просто не дастся, это понимали все.

5:59. Глаз тайфуна. Невероятное спокойствие.

Капитан Ноэми Шастен заняла позицию на первой линии. Как всегда. Командир группы — это не пустой звук.

5:59 и 58 секунд. Она сжала пистолет в потных ладонях.

6:00. На гидравлический таран подали давление в десять бар. Дверное полотно робко хрустнуло и тут же разлетелось на куски. Перед ними был коридор, черный, как бездна или дурной сон. Проникнув в квартиру, Ноэми нащупала выключатель и нажала на него пальцем. Лампочка загорелась и сразу лопнула. Какое-то мгновение, прежде чем помещение вновь погрузилось в темноту, нить накала еще светилась.

Ноэми бросилась в сторону спальни. Закрепленный на стволе ее оружия фонарик выхватил из мрака очертания квартиры. Коридор узкий: двоим рядом не пройти. Возбужденная присутствием выстроившейся цепочкой у нее за спиной команды, уверенная в своей непобедимости, поскольку у нее на плече лежала рука Адриэля, которому она доверяла, да попросту ее мужчины уже два года, — она двинулась вперед.

Удар ногой в дверь спальни. И одновременно яркая вспышка. Теперь Ноэми уже ничего не видела, даже стоящего в кровати на коленях совершенно голого наркоторговца, который выстрелил ей в лицо из охотничьего ружья.

Обжигающая волна, едкий запах пороха. В глазах, в носу, во рту — даже в глубине горла.

Ноэми отбросило назад. Она ударилась о стену спальни; как сломанная тряпичная кукла, рухнула на пол, ничего не чувствуя. А потом закричала от боли. Она прикоснулась к лицу. Одно развороченное мясо. Липкая жижа. Рассудок нашел спасение в полной отключке. Ладонь, словно тиски, сжалась на рукояти пистолета. То, что произошло потом, она уже не осознавала. Дважды выстрелил Адриэль. Попадание в левое плечо. Попадание в правое плечо. А затем задержание Сохана. Перекрикивая шум, новобранец, только что пополнивший их команду, почти рыдал в рацию: «Офицер ранен! Офицер ранен!» И этот истошный крик выдавал его испуг. Он только что осознал, что флики умирают не только в кино.

А Адриэль, теперь стоящий на коленях рядом с командиром, осторожно приподнимал ее, чтобы взять на руки:

— Ноэми! Ноэми, твою ж мать! Не уходи, останься со мной!

В бесконечных коридорах военного госпиталя Перси каталка стукнулась о двойные двери, распахнув их, словно порыв урагана. Старшая медсестра на бегу торопливо докладывала дежурному врачу:

— Это полицейский.

— Самоубийство? — привычный ко всему, спросил доктор.

— Нет. Утренняя полицейская операция. Огнестрельное ранение. В челюсть, в глаз, в нос и волосяную часть головы.

Она только раз бросила взгляд на лицо Ноэми и старалась больше в ту сторону не смотреть. В спешке и постоянно сменяющихся картинах коридоров, в неоновом свете и крови, доктор и сам не понял, что увидел. А потому довольствовался описанием медсестры.

— Собирайте людей! Мне нужен анестезиолог, офтальмолог, травматолог, челюстно-лицевой хирург, две бригады медсестер и свободный оперблок.

* * *

Бригада Ноэми по борьбе с оборотом наркотиков в полном составе столпилась в зале ожидания, никто не отважился указать им на то, что здесь не курят.

Адриэль сидел, прижав ладони к лицу и низко опустив голову, которую поднимал при малейшем скрипе двери. Новобранец Жонатан, прикуривая сигареты одну от другой, разговаривал по телефону с женой и старался, чтобы его речь выжившего звучала успокаивающе. «Я в порядке». «Позови детей». «Я в порядке». «Я в порядке». Хлоя тихонько плакала, утирая слезы рукавом розового свитера с принтом «U.P.D. Unicorn Police Department».

Медленно тянулось утро. Потом день. И солнце склонилось к закату.

Приходили другие полицейские из разных отделов. Коллеги, друзья, свои, сотрудники других управлений. В зале ожидания набиралось от четырех до тридцати посетителей, и все были на нервах.

Хирургам госпиталя Перси, специализирующегося на лицевых травмах солдат, а заодно и фликов, раненных при исполнении задания, пришлось работать вахтенным методом, сменяя друг друга. Ведь операция по спасению продолжалась семь часов тридцать минут.

З

*Послеоперационный консилиум.
Военный госпиталь Перси*

— В 6:37, по «скорой», — ответил хирург на вопрос главного врача госпиталя.

— Дальше.

Хирург продолжил, вводя в курс сегодняшнего беспокойного утра интернов, сидящих в обширном застекленном помещении вокруг стола, который занимал почти все пространство. Он перешел к подробностям:

— Огнестрельное ранение в лицо. Вливание физраствора и болеутоляющей сыворотки. В пути интубация силами бригады «скорой». Жизненные функции удалось стабилизировать, когда ее поместили в противошоковую палату. Затем мы отследили объем поражения при помощи компьютерной томографии. Иммуногистохимическое исследование не делали, при наличии дроби это было бы безумием.

— А где у нее дробь?

— Да практически везде. В языке, в подбородке, в челюсти, во лбу и правой щеке, которая почти це-

ликом разворочена выстрелом. Щеку мы пришили: хорошо поработали, но у больной навсегда останется полукруглый рубец диаметром двадцать сантиметров.

— Давненько у нас не бывало таких захватывающих междисциплинарных операций, — подытожил главврач. — Перейдем к подробностям. Череп?

При помощи пульта хирург включил прикрепленный к стене экран и продолжил отчет, иллюстрируя его рентгеновскими снимками и сканами компьютерной томографии.

— Череп не поврежден, но справа частично обгорела кожа волосистой части головы, и я понятия не имею, будут ли там расти волосы и как. В любом случае перед операцией мы все побрили, так что скоро узнаем.

— Ухо и слуховой проход?

— Серьезно раздражена барабанная перепонка. Возможна временная гипоакузия¹, но не обязательно.

— А что с глазом?

— Субконъюнктивальное² кровотечение, прекращенное. На несколько недель обеспечена гематома в периорбитальной области³. Просто наполненный кровью страшный глаз, однако ничего тревожащего по части зрения.

— Нос?

¹ *Гипоакузия* — снижение слуха. (Здесь и далее примеч. переводчика, кроме специально отмеченных случаев.)

² Кровоизлияние под конъюнктиву, образуется, когда под ней лопается сосуд или сосуды.

³ *Периорбитальная область* — зона лица вокруг глаз.

— Сломан. Прооперирован.

— Челюсть?

— Перелом восходящей ветви правой стороны нижней челюсти. Нам пришлось привинтить три стальные пластины. Заговорит она не скоро. В течение восьми или десяти дней питание через зонд, затем три недели протертая пища и желированная вода.

— Похоже, она была на волоске...

— Да, на пять сантиметров левее, и ей бы снесло все лицо. Но и теперь зрелище будет не из приятных. Кроме шестидесяти швов, которые мы наложили, чтобы прикрепить щеку на место, свой след оставит каждая дробинка. Но как бы то ни было, с хирургической точки зрения работа отличная.

Теперь взгляды всех присутствующих обратились к психиатру.

— Это отвлечет вас от ваших солдат, Мельхиор, — пошутил главврач.

— Не совсем, — холодно парировал специалист. — Раненная в ходе операции. Боевой полицейский. Она ничем не отличается от моих солдат. Если никто не возражает, мне бы хотелось курировать этого пациента.

Мельхиор четыре дня назад вернулся из командировки в долину иракского Евфрата, где сопровождал французские отряды группы «Ваграм»¹, и приступил к работе в военном госпитале Перси, где, пытаясь адаптироваться, изнывал от скуки у себя в кабинете.

¹ Целевая группа «Wagram» — специальное подразделение союзников, фактически группа мобильной артиллерии.

Случай Ноэми Шастен пробудил его от спячки. Возвышаясь над собравшимися на целую голову, увенчанную зачесанной назад седой шевелюрой, и с высоты своего шестого десятка он заговорил с присутщей ему уверенностью:

— Я готов заняться ею незамедлительно, параллельно с послеоперационным уходом и реабилитацией. Чем раньше я начну разговаривать с ней, тем успешнее удастся определить психические нарушения. В данном случае в одном человеке у меня несколько пациентов. Флик, который рискует никогда не вернуться на службу. Женщина, которую пугает мысль о том, что она перестала быть привлекательной. Взрослый человек, которому предстоит обнаружить лицо незнакомки и жить с ним. И девочка, которая наверняка умирает от страха. Прежде чем пытаться заняться восстановлением, ее придется подготовить. Но только не лгать ей. Когда я смогу ее увидеть?

— После компьютерной томографии глазного дна, необходимой для того, чтобы исключить присутствие остаточного инородного тела, и восстановления челюстно-лицевой зоны, если вы хотите, чтобы она отвечала вам, — заверил его хирург.

— Мне не нужно, чтобы она говорила со мной. У меня и так есть что ей сказать, — закончил разговор Мельхиор, захлопнув блокнот.

4

Когда она открыла глаза, яркий свет неоновой лампы под потолком обжег ей сетчатку, точно выстрел. В мозгу образовалась связь с последним событием, и Сохан снова выстрелил в нее. Тело молодой женщины выгнулось, сердце бешено заколотилось, а кардиограмма словно взбесилась, спровоцировав смятение приборов, и те тревожными сигналами вызвали стремительное вторжение медсестер.

С их появлением все полицейские поднялись со своих мест.

Когда свет в палате погас, Ноэми успокоилась, снова закрыла глаза и погрузилась в медикаментозный сон, которому способствовали остатки анестезии.

— Вы не можете сейчас повидать ее, — сказала Адриэлю медсестра. — У нее все в порядке, но ей нужно время.

* * *

В следующий раз Ноэми пробудилась среди ночи. В темноте было спокойнее. Она пощупала одеяло: немного шершавое. Прикоснулась пальцами к простыне: помягче. В приоткрытое окно заметила черно-

ту неба, затем разглядела расплывчатые из-за залившей глаз крови контуры палаты. Она подняла правую руку, увидела большой палец в лубке и вспомнила санитаров «скорой помощи» и как испуганно они кричали, пока везли ее в госпиталь. Она приложила здоровую руку к лицу и не ощутила своей кожи. Всю правую сторону покрывали бинты и компрессы. И все же Ноэми наконец улыбнулась, ведь в какой-то миг ей показалось, что она уже никогда не откроет глаза. Она почувствовала себя живой, вправду живой, к тому же под воздействием поступающего из капельницы морфина боль на мгновение отступила.

Рядом в зале ожидания, привалившись к плечу Жонатана и закинув назад голову, дремала побежденная усталостью Хлоя. Бодрствовал только Адриэль, встревоженный, любящий. Медсестра сделала ему знак:

— Она проснулась. Я должна предупредить врачей, но у вас есть минутка.

Он часами снова и снова твердил слова, которые скажет ей, чтобы успокоить, чтобы показать, что он здесь, рядом и любит ее. Наконец он вошел, присел в кресло возле кровати, положил голову на живот Ноэми и залился слезами. Чтобы успокоить его, сказать, что она все еще здесь, рядом, что тоже любит его, она нежно погладила его по волосам.

Дверь открылась, Хлоя и Жонатан остались стоять на пороге. В конце концов, того, что они видели оттуда, им было вполне достаточно.

Он вошел в палату, будто в собственную гостиную.

— Здравствуйте, солдат. Меня зовут Мельхиор. Врачи вас подлатали? Вы знаете, кто я?

Ноэми быстро рассмотрела собеседника во всех деталях и утвердительно кивнула. Док положил на ее постель планшет с белым экраном.

— Занятное упражнение: поскольку вы пока не можете мне отвечать, мы переиначим практику психиатрии. Сегодня говорить буду главным образом я. Вот увидите, я чудовищно болтлив. Так, во всяком случае, утверждала моя жена.

Он уселся возле Ноэми и раскрыл свой блокнот.

— У вас есть семья?

Ноэми схватила планшет и напечатала: «Мать. Лондон».

— Ее нет в вашем страховом полисе среди лиц, которых надлежит предупредить в случае несчастья. Впрочем, там никого нет.

«10 лет», — написала Ноэми.

Психиатр наклонился, чтобы прочесть, пока она печатает:

— Десять лет... как вы не виделись?

Ноэми утвердительно моргнула.

— А тот симпатичный парень, что болтается по коридорам, точно привидение... У него есть имя?

«Адриэль», — написала она.

— Итак, вы не одиноки. Это хорошо. И даже очень важно. Буду с вами честен, ваше лицо сильно изуродовано. Насколько сильно, мы узнаем через сутки, когда медсестры снимут повязки. А пока я бы хотел, чтобы вы сделали небольшое подготовительное упражнение. Нечто вроде проекции. Я буду называть поврежденные участки, а вы должны представить, как они сегодня выглядят.

Ноэми подняла глаза. Один бледно-зеленый, как молодой листок, другой — еще черный от кровоизлияния. Мельхиор заговорил спокойным тоном:

— Вас обрили, но это вы могли почувствовать на ощупь. Ваша правая щека почти полностью вырвана и снова пришита. Ваш сломанный нос теперь восстановлен. Он еще немного опухший, с несколькими кровоподтеками, но восстановлен. Хирурги извлекли из разных мест вашего лица пятнадцать дробинок. Каждая из них оставит на нем свой след, от подбородка до лба, в виде звездочки, которая с годами постепенно уменьшится.

Ноэми замолотила по клавиатуре: «Когда я выйду?»

Мельхиора это позабавило.

— Вы отважный солдат, я в вас не ошибся, — заметил он, откладывая блокнот. — Вдобавок ко всему у вас вывихнут большой палец и сломана челюсть. Это что касается вашего физического состоя-

ния. Но с точки зрения психики это совсем другая история. Не обманывайтесь, починить вашу оболочку — не столь уж сложная задача. А вот вероятность устранить невидимые повреждения, разумеется, более проблематична, то есть непредсказуема. Полагаю, вы сможете расстаться с нами через месяц. Но после этого нам предстоит еще немало сеансов. Мы с вами станем друзьями, вы и я, или даже родственниками.